

УДК 321.01

НАЗАД К АРИСТОТЕЛЮ: ОБ «ИСПРАВЛЕНИИ ИМЕН» В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Шепелев М. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: ma_shepelev@mail.ru

В статье рассматривается проблема влияния на развитие политического знания и на политическую практику т. н. «вильсонской революции», связанной с реинтерпретацией традиционного значения понятий «государство» и «политика», переосмыслением соотношений политики и государственного управления, государства и политической системы. «Вильсонская революция» выразилась в сведении государства к государственному механизму («правительству»), при оценке последнего как деполитизированного инструмента в руках соперничающих общественных сил, а также в распространении менеджеристских подходов к выработке и осуществлению государственной политики. Показано, что эти изменения происходили в контексте доминирования в политическом дискурсе американской политологической школы с ее либеральными воззрениями. Следствием этих интеллектуальных влияний стало распространение идеи ограниченного, частичного суверенитета современного государства, понимаемого лишь как один из институтов политической системы некоего общества, границы которого на современном этапе глобализации стали раздвигаться до мирового (глобального) общества. В связи с этим в статье содержится призыв к объективной оценке этих представлений с учетом тысячелетней традиции развития политического знания.

Ключевые слова: государство, общество, политика, политическая система, суверенитет, форма и содержание.

Важнейшая конфуцианская концепция «чжэн мин» («исправление имен»), как известно, предписывает, прежде чем приступать к управлению государством, правильно выстраивать понятия, ибо «если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться» [1, 13:3]. Современное состояние политической науки показывает, что она крайне нуждается в таком «исправлении имен», которое позволило бы преодолеть ряд концептуальных противоречий, препятствующих не только развитию научного знания, но и адекватной оценке фундаментальных явлений политической действительности. Вопрос заключается в тех изменениях, которые произошли за последнее столетие (а это относительно небольшой промежуток в развитии политического знания), в интерпретации таких базовых понятий, как «государство», «политика» или «суверенитет». Данная статья призвана обозначить данную проблему перед политологическим сообществом.

Возьмем, например, известный учебник Э. Хейвуда «Politics». В нем государство предстает «аппаратом управления в самом широком значении этого понятия, то есть как комплекс институтов, имеющих явно выраженную «публичную» природу в том смысле, что они отвечают за коллективную организацию общественной жизни и финансируются за счет общества» [2, С. 109]. Данное определение абсолютно типично для современной политической науки – как зарубежной, так и отечественной. Говоря же о политической системе, автор понимает под ней «систему отношений, посредством которой государство реагирует на те или иные воздействия со стороны общества». Иными словами, политическая система оказывается неким опосредующим звеном между государством и обществом, существующими как бы самим по себе. В другом же месте он отмечает, что данное понятие охватывает «не только механизмы власти и институты государства, но также структуры и процессы, через которые государство взаимодействует с обществом» [2, С. 29], т. е. здесь уже оно включает в себя «государство». Что касается подавляющего большинства отечественных авторов, то они тоже рассматривают «политическую систему общества» как понятие более широкое, чем «государство» и включающее его в качестве одного из элементов институциональной подсистемы.

Принципиально иная традиция, обозначившаяся в развитии политического знания гораздо раньше вышеупомянутых трактовок, еще в античности, исходит из того, что государство само и есть политическое общество, исторически складывающееся на стадии цивилизации, с переходом человечества к оседлому хозяйству, возникновением городских поселений и письменности, и характеризующееся территориальной организацией населения под руководством верховной власти, устанавливающей и поддерживающей политическое единство и правовой порядок, что создает условия и для формирования в его пределах единого рынка. Собственно говоря, город-государство и есть исторически первая форма цивилизованного общества. Существующие в государстве властные отношения, как известно, относятся к категории политических отношений, характер которых обусловлен публичной природой государственной власти, и именно поэтому государство – это политический феномен. Такая трактовка предполагает выделение в нем при осуществлении системно-структурного анализа собственно политической и правовой, а также экономической, социальной и идеологической систем.

Со времен Аристотеля понятие «политика» традиционно использовалось для обозначения науки о государстве как политически организованном обществе, изучавшей государство и направленную на него деятельность его членов во всех возможных проявлениях. В этом значении оно использовалось и в Средневековье, и в эпоху Ренессанса, и в Новое время. Например, немецкий мыслитель эпохи Реформации Иоганн Альтузиус, автор сочинения «Политика, изложенная методически и проиллюстрированная примерами сакральными и мирскими» (1603 г.) понимал политику как искусство, благодаря которому люди организуют, обустривают и оберегают свое совместное существование в государстве как «публичном всеобщем союзе». Традиционное понимание политики, собственно, предполагает, что она возможна только в государстве, ибо вне его рамок

невозможно представить наличие механизма публичного артикулирования и агрегирования общественных интересов и последующего принятия публичных решений, связанных с распределением общественных благ, ценностей, статусов.

Долгое время в Европе знания, прежде всего прикладного характера, по управлению государством именовались «полицейской наукой», которая была призвана изучать деятельность правительства, направленную на обеспечение общего благосостояния, постулировавшееся как конечная цель государства. В этом смысле понятие «полиция» использовалось в значении государственного управления (отсюда же английское *police*). Йозеф Зонненфельс даже противопоставил политическую науку и полицейскую науку, но лишь как отрасли «государственной науки», изучающие соответственно аспекты внешней и внутренней жизнедеятельности и безопасности государства. Немецкий юрист и историк первой половины XIX в. Карл фон Роттек различал теоретическое учение о государстве (метаполитику) и прикладное учение о государстве (политику). Даже Роберт фон Моль, разделивший понятия «государство» и «общество», рассматривая последнее как самостоятельный союз граждан, преследующих свои собственные, дозволенные законом цели, включал в разрабатываемое им общее учение о государстве в качестве одной из отраслей политику в ее аристотелевском значении «государственного искусства».

В таком значении эта наука (если не считать выделения из нее права) сохранялась вплоть до начала XX в., включая попытку Рудольфа Челлена предложить проект общего учения о государстве под традиционным названием «политика», предусматривавшего такие отрасли, как геополитика, демополитика, экополитика, социополитика и кратополитика. Челленовская «политика» должна была изучать государство во всех его измерениях, и прежде всего как организацию власти, проявляющуюся внутри страны и вне ее.

Согласно представлениям ученых начала XX в., нашедших отражение в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, наука о государстве включала в себя цикл наук (государственные или политические науки), исследовавших государство с разных точек зрения: общее учение о государстве (философия государства), науки о формах организации государственной власти (государственное право или в узком смысле того времени конституционное право), наука о государственном управлении (административное право или полицейское право), наука о государственном хозяйстве, доходах и расходах (финансовое право), наука о народном хозяйстве как субстрате и источнике государственного хозяйства (политическая экономия), наука о населении государства (статистика), наука о способах достижения государственных целей (политика) [3].

Представление о государстве как о политическом состоянии общества, содержание которого составляют отношения властвующих и подвластных, восходит к Никколо Макиавелли. Великий флорентиец видел в нем некое отношение между правительством и подданными, опирающееся на страх или любовь последних, а важным компонентом государства считал политическую власть (*imperio, potesta, autorita*) как полномочия, мощь, могущество, силу, выражающуюся в способности правящих лиц принудить управляемых к повиновению. Попытки противопоставить

Макиавелли Стагириту, выводимые из использования им для обозначения государства термина «*stato*» в противовес античным терминам «*polis*» и «*res publica*», едва ли уместны, так как оба мыслителя видели в государстве само политическое сообщество (или политически организованное общество), а не некую внешнюю силу по отношению к обществу либо некий производный от него функциональный институт. В этом смысле представления двух мыслителей в полной мере вписываются в доминировавшие средневековые и ренессансные трактовки государства как некоего тела (*corpus*), или корпорации, образуемой множеством разных входящих в нее частей, и важнейшей из этих частей является государь (суверен). Он инкорпорирован со своими подданными, а они с ним, и он есть глава, а они – члены, и он один управляет ими, в качестве главы «мистического тела» государства уподобляясь Христу как главе мистического тела Церкви.

Согласно Томасу Гоббсу, учение которого символизирует этатизм Нового времени, в государстве как в личности общество находит свое завершение, государство вбирает в себя всю рациональность и всю законность, оставляя за своими рамками «естественное состояние». Государство у Гоббса предстает как «единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как оно сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [4, С. 57]. Но такое понимание не является противопоставлением государства обществу. Напротив, никакого общества до заключения договора не существовало, а его появление как раз и выражается в появлении нерасторжимых связей между индивидами как гражданами государства (подданными суверена, олицетворяющего собой сложившееся единство). В силу этого (при различии государственных форм) как Людовик XIV имел все основания отождествлять государство со своей личностью, так и английский парламент имел право утверждать свое полномочие, ибо согласно характеристике суверена, данной Гоббсом, «в этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства». Устранение (институциональное, а не персональное) суверена, который репрезентирует собой политическое единство, ведет к распаду государства.

В свою очередь, ответ на вопрос о том, кто же такой суверен, дал в XX в. Карл Шмитт: суверен – тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении, т. е. тот, кто является последней инстанцией в какой-либо экстраординарной ситуации. Эта характеристика полностью вписывается в представления о государстве, доминировавшие в рамках континентально-европейской политической науки. Как в XIX в. Роберт фон Мольте определял, что государство есть организация совместной народной жизни на определенной территории и под одной высшей властью, так и в начале XX в. Макс Вебер видел в государстве человеческое сообщество, обладающее монополией на легитимное насилие. Получили распространение представления о государстве как духовно-нравственном организме, как коллективном или союзном единстве.

Отсюда возникает вопрос: в связи с чем же возникла та огромная пропасть, которая отделяет традиционное понимание государства и политики (со времен Аристотеля до Вебера) от тех представлений, которые доминируют в современном

политологическом сообществе и находят отражение в учебных изданиях в таких разделах, как «Политическая система общества» и «Государство как институт политической системы общества»?

Представляется, что это связано с доминирующим влиянием на развитие политической науки, которое на протяжении XX в. оказывалось со стороны представителей американской школы. Как известно, еще в конце XIX в. Вудро Вильсон в статье «Изучение государственного управления» (1887 г.) и последующих работах выдвинул научное обоснование принципа разграничения государственной деятельности на политическую и административную. Он считал, что государство выполняет две базовые функции: политическую, которая состоит в выработке для страны общих направлений развития и общих законов, а также административную, которая является приложением этих общих направлений и законов к конкретным людям и ситуациям. По его мнению, отношения между аппаратом, исполняющим законы, и властью, создающей законы, «составляют самую суть правительственной системы». Поскольку административные функции отличаются от политических, они, как доказывал будущий президент США, должны быть деполитизированы.

В. Вильсон полагал, что смена политического руководства не должна влиять на деятельность несменяемого государственного аппарата, задачей которого становилось оперативное и компетентное проведение в жизнь решений политических лидеров, избранных народом. Он считал, что для того, чтобы обеспечить развитие демократии, политикам необходимо контролировать деятельность администраторов, и тогда они не смогут «вмешиваться» в политику и просто будут следовать указанным направлениям, заданным для них политическими лидерами. Аналогичные идеи получили развитие в работе Фрэнка Гудна с характерным названием «Политика и государственное управление» (1900 г.). Так политика оказалась по сути противопоставленной государственному механизму и постепенно сведена к области публичного дискурса. К «политическому» относилось теперь лишь то, что касается обсуждения и выработки общественно значимых решений, а вот их исполнение, то есть собственно деятельность правительства, оказывалась за его рамками.

Состоялась, можно сказать, антиаристотелевская, *вильсонская революция* в политической науке, в результате чего она перестала рассматриваться как наука об управлении государством. Успешное завершение этого переворота относится ко второй половине 40-х – началу 50-х годов XX в., что очевидно связано с разгромом классической германской школы политической науки, для которой было характерно преобладание органицистского подхода к пониманию государства. По сути, политическая наука испытала на себе последствия очевидного вовлечения в идеологический конфликт, в очередной раз продемонстрировав, что она не может быть «свободной от ценностей». Содержание этого вильсонского переворота, который трудно свести к сугубо научной сфере, выразилось в следующем:

– произошло отождествление государства с «правительством», которое в американском понимании представляет собой совокупность институтов законодательной и исполнительной власти, т. е. государство было сведено к

государственному механизму (в этом смысле мало чем отличаясь от марксистской концепции);

– государство стало пониматься как деполитизированный инструмент в руках соперничающих общественных сил, объект влияния различных групп интересов, а на практике обозначилась тенденция заметного ограничения законодательной власти (сфера политики) в пользу исполнительной (сфера государственного управления);

– распространились менеджеристские подходы к выработке и осуществлению государственной политики, в результате чего на политическую сферу были экстраполированы капиталистические принципы рыночной экономики, с присущими ей понятиями «рыночной эффективности» и т. п., в связи с чем деятельность «государства» стала оцениваться с позиций экономической эффективности предоставляемых им услуг с вытекающими отсюда попытками ее всячески «оптимизировать» (если «полицейское государство» имело целью обеспечение счастливой и благополучной жизни своих граждан, то нынешнее «государство услуг» воспринимается не более чем как аналог коммерческого агентства);

– стали активно разрабатываться и продвигаться различные концепции «диффузии суверенитета», «ограниченного суверенитета», непосредственно вытекающие из взгляда на государство как на всего лишь один из институтов политической системы некоего общества, границы которого стали раздвигаться до мирового (глобального) общества.

Следует обратить внимание, что в рамках американского политического дискурса имеет место склонность вообще к ограничению обыденного употребления термина «государство», заменяя его понятиями «нация» (особенно во внешнеполитическом аспекте) и «правительство» (скорее в аспекте внутривнутриполитическом). Это облегчило включение государства в его новом значении в структуру политической системы в качестве ее элемента. Такое «вывернутое наизнанку» представление было навязано мировой политической науке в силу мейнстримной роли в ней американской школы.

Однако в каком обществе, иначе как организованном в рамках и в форме государства, возможно существование политической системы? Каким образом такой социальный феномен гораздо более универсального порядка, как государство, может быть втиснут в «прокрустово ложе» политической системы в качестве одного из ее институтов наряду с политическими партиями и общественно-политическими организациями, как это предлагается на страницах учебников по политологии для усвоения студентам?

Когда говорится о «политической системе общества», подразумевается политическая система Франции, Италии, Малайзии, Парагвая и т. п., которые суть прежде всего государства. Именно государство есть политически оформленное, организованное общество, союз граждан. По словам И. Изензее, «на горизонтальном уровне государство – это координация граждан, товарищеский союз, а на вертикальном – их подчиненность государственной власти, союз господства» [5, С. 27]. В современном государстве эти уровни опосредствует

принцип народного представительства, раскрывающий действия государственной власти как организованную волю народа. Союз предполагает поддержание порядка с помощью особой категории людей, наделенных публичной властью, подразумевающей легитимное применение или угрозу применения мер принуждения.

Днепропетровский политолог А. А. Здесенко, в конце XX в. обративший внимание на эту проблему, справедливо отмечал: «Человека вне государства не существует» [6, С. 57]. И действительно, любой человек – это или гражданин определенного государства, или иностранный гражданин, или апатрид. В любом качестве он находится в некоем статусе, определяемом созданными государством правовыми нормами, наделяющими его соответствующими правами и обязанностями. Таким образом, принадлежность к государству есть социальная необходимость, получающая выражение в правовых актах.

Для государства характерны коллективные формы деятельности, обеспечивающие удовлетворение общих социально-экономических интересов и в целом регулирующие взаимоотношения населяющих государственную территорию людей. Государства творят Историю, определяя судьбы народов. Государство создает право, оно делает возможным возникновение организованного хозяйства, оно является необходимым условием как социальной интеграции, так и социализации личности, в том числе посредством культуры и идеологии. Говоря в целом, именно государство является тем фундаментом, на котором возведено здание человеческой цивилизации. Общество вне государственно-организованного порядка есть не более чем варварское племя. Никакого другого, внегосударственного общества человеческая цивилизация не знает. Понятия «французское общество» или «аргентинское общество» имеют смысл лишь для обозначения совокупности общественных связей и отношений внутри французского или аргентинского государства. Также как, например, никакого «итальянского общества» до объединения Италии не существовало и не могло существовать. Хотя понятно, что на стадии варварства существовало именно общество, а не государство, и таким образом, общество – более широкое понятие, а государство – лишь его исторический тип, соответствующий стадии цивилизации.

И тем не менее мы видим, что искусственно выделенное из «общества» и противопоставленное ему государство преподносится в учебной и научной литературе как «форма организации общественной жизни», как «основная властвующая политическая организация», «главная объединяющая, организующая и принуждающая сила общества» и т. д. и т. п. Такие формулировки порождают сомнение в том, что их авторы знакомы с философским учением Аристотеля о форме как первичном, деятельном начале, заставляющем материю сделаться определенной вещью, придающим ей действительный вид и свойства. Материя не может существовать без формы. Форма по сути и есть действительность, осуществление возможного, без нее материя – лишь чистая потенция (сама же форма может быть мыслима без материи). Также форма есть внутренняя цель материи, придающая смысл ее существованию, и сила (энергия), осуществляющая эту цель. Наконец, форма есть также понятие о некоем предмете, поэтому в попытке

дать определение конкретного общества мы прибегаем к понятию государства (Россия, США, Индия и проч.). А поскольку, когда речь идет о государственно организованном обществе (где абстрактному, «потенциальному» обществу как сырой материи придана конкретно-историческая форма государства), оно просто именуется государством, тогда последнее никак не может быть элементом своей собственной политической системы.

Как форма неотделима от материи, так и государство неотделимо от общества, которое без него является не более чем политической (и шире – цивилизационной) потенцией, или иными словами – для политической науки не более, чем абстракцией. Напротив, идея государства вполне мыслима в отрыве от ее конкретных «материальных» воплощений (взять хотя бы «идеальное государство» Платона). Взятое как некая «идея», архетип, государство предстает как высшее социальное начало, символически выражающее вершину тварного космоса. «Государство во многом долговечнее индивида, и с точки зрения индивида и его разума – оно сверхразумно и внеразумно». Формулируя данный тезис, П. Б. Струве отмечает: «Это можно выразить так: государство есть существо мистическое». По его словам, «следует удивляться тому, как это далекое существо способно испускать из себя такое множество горячих, притягивающих лучей и так ими согревать и наполнять человеческую жизнь» [7, С. 57].

Кстати, не случайно в послевоенный период наблюдалось широкомасштабное наступление на доктрину суверенитета, всячески дискредитировалось само это понятие. Между тем именно суверенитет воплощает в себе силу (энергию) государства. С позиций американского подхода, есть общество, правительство и нация, места государству здесь по сути не находится, а значит – вместе с ним ставится под сомнение и суверенитет. Не случайно история США начиналась с ожесточенных дискуссий по вопросу о суверенитете, в которых возобладала версия о т. н. дуалистическом суверенитете союза и штатов. А что такое разделенный суверенитет, как не его самоотрицание? Ведь изначальный смысл понятия «суверенитет» связан с идеей единой верховной власти. Вновь возвращаемся к Карлу Шмитту: суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении, возвышаясь тем самым над повседневной управленческой рутинной. Он же доказывает, что никакого правового государства с разделением властей существовать не может, но может быть лишь «законодательное государство», либо «государство правительства», либо «государство судей», либо «государство управления», т. е. какой-то из институтов все же оказывается в положении верховной власти.

Симптоматично, что распространенное еще в начале XX в. понятие «верховой власти» в послевоенный период тихо исчезло из употребления, попытки же как-то обойтись без него нередко заводят в тупик. Так, например, использование переосмысленного в новом контексте понятия «верховой власти» вполне помогло бы более правильно охарактеризовать место и роль института Президента РФ как главы государства, по сути стоящего над разделением властей. Представляется, что тихое изъятие самого понятия «верховная власть» из анализа структуры государственного механизма как якобы устаревшего стало важным концептуальным

подспорьем в деле общего ослабления начал государственности как в России, так и в других странах. Потому что носитель верховной власти – это в сущности не кто иной, как суверен, способный принять все необходимые меры для защиты государства и конституционного строя. А если его (суверена) нет?

Подытоживая, следует отметить, что призыв «Назад к Аристотелю!» может выглядеть несколько тривиальным, но во многом именно такая постановка вопроса давно назрела. И речь идет не только о буквальном прочтении этого призыва, но и о ретроспективной рецепции всего классического политического знания, подвергаемого последнее столетие жесткой маргинализации. Слишком далеко мы зашли в вильсонском либеральном противопоставлении государства и общества, политики и государственного управления, слишком много напутано в понимании весьма простых реалий политического мира. Между тем, новое – это очень часто всего лишь хорошо забытое старое, так что взгляд на современную политику и политическую науку глазами Цицерона, Аквината, Бодена или Гоббса может дать совсем неожиданные результаты. В связи с этим и представляется весьма актуальным «исправление имен» – разработка, скажем так, альтернативной, «консервативной» концепции вузовского учебника по политологии, в рамках которой будет органично представлено становление и развитие политического знания, и с его учетом предложено переосмысление весьма спорных господствующих трактовок таких феноменов, как «государство», «политика» и «суверенитет». Примечательно, что нынешний министр просвещения России О. Ю. Васильева практически сразу после своего назначения на пост главы прежнего единого министерства образования и науки обратила внимание на неадекватность подхода к образованию как к оказанию услуг. В более широком контексте государство также не является «агентством по оказанию услуг», ибо государство (в отличие от государственного механизма или аппарата) – не «оно», а «мы». Понимание этого имеет важное значение для обеспечения «интеллектуального суверенитета».

Список литературы

1. Конфуций. Лунь юй (Беседы и суждения). – М.: Восточная литература, 2001. – 588 с.
2. Хейвуд Э. Политология: Учебник для студентов вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 544 с.
3. Малый энциклопедический словарь. – Т. 1. Вып. 2. – СПб.: Изд. Брокгауз–Ефрон, 1907. – С. 1326–1327.
4. Гоббс Т. Сочинения: в 2-х тт. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – 622 с.
5. Изензее И. Государство // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. – 1992. – № 6. – С. 24–51.
6. Здесенко А. П. Конфліктологія. – Дніпропетровськ: РВВ ДНУ, 1999. – 112 с.
7. Струве П. Мистика державной власти // Новое время. – 1992. – № 11. – С. 57–59.

Shepelev M. A. Back to Aristotle: About the “Names Correction” in Modern Political Discourse // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 1. – P. 78–87.

The article considers the problem of influence on the development of political knowledge and political practice of the so-called The “Wilsonian Revolution” associated with the reinterpretation of the traditional meaning of the concepts of “state” and “politics”, rethinking the relationship between politics and public

administration, the state and the political system. The “Wilsonian revolution” was expressed in reducing the state to a state mechanism (“government”), in assessing the latter as a depoliticized instrument in the hands of rival social forces, as well as in disseminating managerial approaches to the formulation and implementation of state policy. It is shown that these changes occurred in the context of the dominance in the political discourse of the American political science school with its liberal views. The consequence of these intellectual influences was the spread of the idea of the limited, partial sovereignty of the modern state, understood only as one of the institutions of the political system of a certain society, the borders of which at the present stage of globalization began to move apart to the world (global) society. In this regard, the article calls for an objective assessment of these ideas, taking into account the thousand-year-old tradition of the development of political knowledge.

Keywords: state, society, politics, political system, sovereignty, form and content

References

1. Konfutsiy. Lun' yuy (Besedy i suzhdeniya) [Conversations and Judgments]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2001, 588 p.
2. Haywood A. Politologiya: Uchebnik dlya studentov vuzov [Politics: A textbook for University Students]. Moscow, YUNITI-DANA, 2005, 544 p.
3. Malyy entsiklopedicheskiy slovar' [Small Encyclopedic Dictionary]. Vol. 1., Iss. 2. Sankt-Peterburg, Brokgauz–Efron Publ., 1907, P. 1326–1327.
4. Hobbes T. Sochineniya [Writings]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1989, 622 p.
5. Izenzee I. Gosudarstvo [The State]. Vestnik. Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Sotsial'no-politicheskiye issledovaniya [Moscow University Bulletin. Series 12. Social and Politics Researches], 1992, no. 6, P. 24–51.
6. Zdesenko A. P. Konfliktologiya [Conflictology]. Dnipropetrovs'k, RVV DNU, 1999, 112 p.
7. Struve P. Mistika derzhavnoy vlasti [Mystic of the State Power]. Novoye vremya [New time], 1992, no.11, P. 57–59.